

Дину Бодичиу

(Corneliu Dinu Tudor Bodiciu) — дизайнер, аспирант Лондонского колледжа моды при Лондонском университете искусств, старший преподаватель Лидского университета Беккета (Великобритания). На уровне как практики, так и теории стремится переосмыслить отношения между одеждой и телом.
d.d.bodiciu@leedsbeckett.ac.uk,
studio@dinubodiciu.com

Симбиоз: НОВЫЙ ВЗГЛЯД на взаимодействие тела и одежды

Аннотация

Человеческое тело определяет существование одежды во всех ее формах—в любой культуре и обществе, в разных широтах и в разные эпохи. В то время как основная задача моды—непрерывное изменение, пересмотр и переосмысление одежды, ключевая роль тела в связанных с модой и одеждой практиках представляет собой особую проблему, потому что тело и одежда взаимодействуют не только как материальные сущности, но и в неосозанном, имманентном аспекте. Хотя некоторые ученые подвергают эту роль сомнению, появление новых парадигм одетого тела внутри континуума «природы—культуры» остается неисследованным. В данном случае речь идет о переосмыслении тела в рамках более обширной экосистемы природных элементов и явлений, среди которых оно существует. Такое переосмысление дает больше возможностей для понимания тела, одежды и их отношений и взаимодействия.

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress, Body
& Culture (опубл.
онлайн 22 августа
2022 года)

Чтобы выстроить новую парадигму взаимодействия и взаимовлияния тела и одежды, в этой работе, отталкивающейся от принципов естественных наук, анализируется понятие симбиоза, то есть формы сосуществования разных организмов.

Ключевые слова: симбиоз, соединение, одежда, тело, одетое тело

Введение

Если рассматривать моду как способ зафиксировать место тела в пространстве и времени (Entwistle 2001: 34), одежду можно считать инструментом, без которого поиск такого места был бы неосуществим. Но тело и одежда не независимые элементы, существующие обособленно друг от друга; понятие пространства и времени предполагает общество, культуру и политику, формирующие тело и одежду и формируемые ими, а помимо них — более обширную экосистему планетарного масштаба. В последние десятилетия возрос интерес к вопросу о том, что такое одежда, и были предложены разные точки зрения на ее природу и отношения с телом. Попытки дать определение одежде показали сложность этого феномена и привели к появлению альтернативных взглядов на ее взаимодействие с телом и взаимное влияние, обусловленное этим взаимодействием. Из разнообразных определений, отталкивающихся одно от другого, выросла генеалогия понятия одежды. В статье кратко обсуждаются некоторые перспективы, актуальные для этого исследования, чтобы показать предпосылки, требующие парадигмы симбиоза.

Ранее сформулировать определение одежды попытались Джоан Бубольц Айхер и Мэри Эллиен Роач-Хиггинс. В своем определении они учли не только предметы, так или иначе дополняющие тело, но и различные способы его модификации (Roach-Higgins & Eicher 1995: 7), так что анализ одежды вылился в исследование ее чрезвычайно интимных отношений с материальной и пластической природой тела. Эта концепция вбирает в себя любые материалы или действия, направленные на тело, и таким образом открывает самые разные точки зрения на него. Если следовать этой линии мысли, одетое тело — любое тело со следами каких-либо модификаций, будь то неброский пирсинг на каком-то одном участке или татуировка по всему телу, загар или даже просто крашенные волосы. В этой логике достаточно накладных ресниц или обыкновенной основы под макияж, чтобы расценивать такое тело как одетое. Такая точка зрения кажется непривычной, но небольшое изменение/дополнение — разновидность костюма, пусть даже мы

по-прежнему считаем это тело обнаженным. К тому же, как замечает антрополог Роберт Брейн, разновидности костюма и представления, в соответствии с которыми тело воспринимается как одетое, существенно разнятся в разных культурах и в разные эпохи (Brain 1972). Поэтому четких критериев относительно количества или степени модификаций, позволяющих назвать тело одетым, не существует. Чтобы избежать разночтений, Айхер и Роач-Хиггинс предлагают называть одеждой «ассамбляж» (Roach-Higgins & Eicher 1995: 7) — комбинацию такого рода модификаций или дополнений. В этом определении не учитываются факторы пространства (географии) и времени (истории), равно как и какие-либо эмоциональные и телесные нюансы, сопряженные с материальными аспектами этих факторов. Позднее Айхер расширила первоначальное определение, указав на роль чувств, которые в совокупности формируют «гештальт» (Clay Johnson & Bradley Foster 2007: 2): полноценный опыт восприятия одежды складывается не только из зрения и осязания, но также обоняния, слуха и вкуса. Обращение к чувствам в значительной мере смещает сами представления об одежде, так что она понимается скорее как форма телесного опыта, но четких аргументов в пользу такой точки зрения нет. В этом определении прослеживается явный разрыв между телом и одеждой, причем последняя предстает как нечто, существующее исключительно ради тела и формируемое им в одностороннем порядке.

Телесный аспект одежды и ее привязка к пространству и времени занимают центральное место в концепции Джоан Энтуисл (Entwistle 2001; Энтуисл 2019: 11), уверенной, что невозможно говорить об одежде, прежде подробно не остановившись на теле. Одежду она рассматривает как «ситуативную телесную практику» (Энтуисл 2019: 11). Тщательно анализируя взаимоопределяющие отношения между телом и одеждой, подчиненные диалогу между индивидом и обществом, Энтуисл называет одежду «продолжением тела, подобием второй кожи» (Entwistle 2001: 45). Когда одежда исследуется в тесной связи с биологической природой тела, она приобретает новые измерения, органические аспекты, расширяющие спектр ее ролей как формы телесного опыта: из дополнения она превращается в один из важных органов. Само понятие телесности важно для Энтуисл и ее концепции одежды как «непосредственного опыта» (Ibid.: 41). Одежда активно формирует телесность, это орган, раздвигающий физические границы тела не только за счет добавления других, нетелесных материалов к плоти, но и за счет целого диапазона ощущений, испытываемых одетым телом и определяющих его опыт взаимодействия с одеждой. Исследовательница предлагает продуманную концепцию *одетого тела*

(Ibid.: 36) и таким образом успешно интегрирует обе сущности в ассамбляж, отличающийся от конструкции Айхер и Роач-Хиггинс, так как у Энтуиса одежда и тело активно влияют друг на друга. Хотя при таком подходе результатом взаимодействия одежды и тела становится *одетое тело*, на мой взгляд, некоторое неравенство в восприятии тела и одежды как активных субъектов сохраняется и в данном случае. Когда «одежда» становится признаком (прилагательным «одетый»), тело остается субъектом. Взаимодействие между ними словно рассматривается в кульминационный момент, когда тело одевают/только что одели/наряжают, поэтому оно предстает как центральный субъект — то, что облачено в одежду. Мы наблюдаем потенциал процесса одевания, тогда как о взаимоотношениях двух сущностей (тела и одежды) нам остается лишь догадываться. Но, несмотря на то что в центре этой концепции по-прежнему находится тело как субъект, понятие одетого тела обретает новую эмпирическую ценность благодаря телесной природе этой конструкции и ее привязке к пространству и времени.

Иной взгляд на тело предлагают Ребекка Уорвик и Дани Кавалларо в монографии «Модное обрамление». Опираясь на понятия предела и границы, они размышляют о том, как тело и одежда проникают на «территорию» друг друга. Это еще более затрудняет попытку дать определение одежде, потому что иногда невозможно разобрать, «где заканчивается тело и начинается одежда» (Warwick & Cavallaro 1998: xvii). Авторы обращаются к разным теориям, каждая из которых становится обрамлением для возможного определения одежды, а при взаимном наложении из этих подходов складывается объемная модель. Наиболее убедительным представляется подход, сочетающий лакановское понятие *objet petit a* и концепцию *отвратительного*, сформулированную Юлией Кристевой. С точки зрения теории Лакана одежда — бессознательное выражение недостатка, проявляющейся в постоянных попытках заполнить пустоту, вызванную утратой Другого (матери). Поэтому, утверждают Уорвик и Кавалларо, одежда никогда не обретет отчетливых форм и останется не поддающимся определению *objet petit a*, то есть материальным воплощением недостижимого предмета желания, ведь у желания нет четкой формы. Одежда всегда будет контуром желанного, идеального, потенциального нечто, что способно было бы придать телу завершенность, но никогда не сможет этого сделать. Такой взгляд на одежду заметно размывает границы того, чем она в состоянии быть, потому что одежда оказывается в процессе непрерывного становления, а тело и одежда — в беспрестанном движении навстречу друг другу.

Наоборот, если исходить из концепции *отвратительного*, одежда соотносится с семиотической энергией, помогающей телу материализоваться и сохранить форму, поскольку «одежда заключает в себе тело: придает ему законченность, ограничивает его и вводит его расплывающиеся аффекты и потоки энергии в четко очерченное русло» (Ibid.: 39). Более того, так как отвращение, по мнению Кристевой, прежде всего двойственно (Ibid.: 44), Уорвик и Кавалларо полагают, что «двойственный союз тела и одежды воплощает одну из самых давних связей между естественным и искусственным» (Ibid.: 5). Поэтому любая разновидность одежды — попытка сдержать и социализировать тело, по природе своей «гетерогенное, незавершенное, динамичное» (Ibid.: 36) и потому отвергающее конструктивный процесс помещения в рамку, то есть выстраивания границ. Поскольку в такой перспективе тело предстает как «естественное», а одежда — как «искусственное», концепция *отвратительного* рассматривается в контексте прочерчивания границ обеих сущностей, определяет положение каждой из них по отношению к другой. Хотя кажется, что два подхода, примененные Уорвик и Кавалларо, противоречат друг другу, на самом деле они друг друга дополняют. С точки зрения первого подхода, построенного на присущем телу желании, одежде всегда свойственны неопределенность, незавершенность и аморфность, с точки зрения второго — в процессе выстраивания границ она придает очертания бесконечно растекающемуся телу. Одежда и тело, расположенные на границе друг друга и вместе с тем составляющие эту границу, находятся в отношениях взаимного проникновения, размывая собственные пределы.

Если следовать концепции *одетого тела*, сформулированной Энтуисл и подкрепляемой подходами Уорвик и Кавалларо, тело представляется частью одежды, а одежда — частью тела. Такое тесное сосуществование двух организмов напоминает то, что называется симбиозом. На мой взгляд, понятие симбиоза способно породить новые интерпретации *одетого тела* как динамичного соединения тела и одежды, которое никогда не станет статичным, оформленным и в котором ни тело, ни одежда не занимают позиции центрального субъекта. Симбиоз важен, чтобы понять, почему *одетое тело* находится в состоянии постоянного сближения обоих элементов — тела и одежды. Далее я очень кратко остановлюсь на определении симбиоза в естественных науках, чтобы затем сосредоточиться на некоторых связанных с одеждой и модой практиках, раскрывающих это понятие. Наконец, я поясню, почему симбиоз — парадигма, позволяющая осмыслить взаимодействие тела и одежды, и как она стимулирует новые подходы к его изучению. **Продолжение и иллюстрации в печатной версии.**